

Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме

DOI 10.31483/r-97978

УДК 398.47

Ван Хааске Л.А.

АНО ВО «Московский международный университет»,
Москва, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-0951-9584>, e-mail: vanhaaske@mm.st

Резюме: В статье предпринята попытка реконструкции образа ведьмы на основании протоколов допросов обвиняемых в колдовстве в рамках судебного процесса в Салеме (колония Массачусетс, Северная Америка, 1692 год) и связанных с ними материалов. *Объектом рассмотрения* является феномен судебного преследования по обвинениям в колдовстве. *Источниковой базой* являются протоколы Салемского процесса, транскрибированные и изданные в 1977 году, а также ряд документальных свидетельств очевидцев, выступающих при этом с богословской позиции. В статье рассмотрены особенности мифологического сознания традиционного общества, продиктованные верой в сверхъестественное (ведовское) воздействие и страхом перед подобным воздействием. Проанализировав протоколы допросов первых обвиняемых в ходе этого процесса и рассмотрев ряд их биографических данных, автор приходит к *выводу* о парадоксальности ситуации, демонстрируемой этим судебным процессом: фактически преследованиям подвергаются произвольные люди, и реконструкция образа ведьмы, который мог бы лежать в основе таких обвинений, не представляется возможным. Выводы автора имеют существенное значение для исследования как феномена ведовских процессов, так и ментальности традиционного общества. Исследование проведено с актуальной для современных социальных наук имагологической перспективы.

Ключевые слова: ведовской процесс, образ ведьмы, страх перед сверхъестественным, образ Другого, пуританская ментальность, мифологическое сознание, спектральные доказательства, колониальная Америка.

Для цитирования: Ван Хааске Л.А. Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 30-36. DOI:10.31483/r-97978.

The Image of Witch in the Documents of the Salem Witch-Trial

Leionis A. Van Haaske

ANO of HE "International University in Moscow",
Moscow, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-0951-9584>, e-mail: vanhaaske@mm.st

Abstract: The article attempts to reconstruct the image of a witch based on the interrogation records of those accused of witchcraft during the Salem trial (Massachusetts, North America, 1692) and related materials. *The subject of research* is the phenomenon of prosecution on those accused of witchcraft. *The source base* are the records of the Salem process, transcribed and published in 1977, as well as a number of documentary testimonies of witnesses, speaking from a puritanical viewpoint. The article examines the features of the mythological worldview of traditional society, dictated by the belief in supernatural influence (witchcraft). After analyzing the interrogation records of the first accused during this trial and considering a number of their biographical data, the author comes to *the conclusion* that the situation demonstrated by this trial is paradoxical: in fact, arbitrary people are subjected to persecution, and the reconstruction of the image of a witch that could underlie such accusations, does not seem possible. The author's conclusions are essential for the study of both the phenomenon of witch-trials and the mentality of traditional society. This article was conducted from an imagological perspective relevant to modern social studies.

Keywords: witch-trial, the image of a witch, fear of the supernatural, the Other, puritan mentality, mythological worldview, spectral evidence, colonial America.

For citation: Van khaaske L.A. (2021). The Image of Witch in the Documents of the Salem Witch-Trial. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 30-36. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97978.

Введение. Теоретическая и источниковая база исследования

Образ ведьмы является одним из самых своеобразных и противоречивых образов в народной культуре. Он присутствует практически в каждой фольклорной традиции и этим традиционно привлекает внимание специалистов по фольклористике и этнографии. Одновременно с этим можно говорить об общекультурном значении этого образа – и здесь мы можем вспомнить такой исторический феномен как «охота на ведьм», ставший важным элементом средневековой истории Западной Европы. Также мы можем говорить о феномене ведьмы в истории права – это обусловлено системными преследованиями по обвинениям в колдовстве. Однако, несмотря на большое внимание и полярность мнений, в исследовании этого феномена остается ряд «белых пятен». Таким образом, мы можем сказать, что вопрос об образе ведьмы *актуален для исследований* в области социальных наук.

Одновременно с этим важно отметить, что актуальность вопроса о ведьмах достаточно велика и в социальной среде вообще с учетом неугасающего интереса к подобным практикам – и если ведьма в искусстве уже стала важным элементом «культуры ужаса», то популярность телевизионной передачи «Битва экстрасенсов» и высокий спрос на оккультно-эзотерические услуги вообще красноречиво свидетельствуют о том, что идею ведовства невозможно признать пережитком культуры традиционного общества и исключительно фольклорным феноменом. Безусловно, подобное положение делает необходимым рассмотрение этого явления с научной позиции.

Специалистами уже неоднократно признавалось то, что помимо массового характера обвинения в колдовстве имели еще и крайне неизбирательный характер [1]. К такому же выводу мы пришли в исследовании обвинительного дискурса собственно Салемского процесса [2]. Однако эта кажущаяся решенность вопроса именно о подходе обвинения ставит перед нами

другой *исследовательский вопрос*: кем были те, кого обвинили в колдовстве в Салеме 1692 году?

Таким образом, мы можем выдвинуть *исследовательскую гипотезу* о том, что образ обвиняемых в колдовстве в рамках Салемского процесса не создает целостного образа ведьмы в мифологической картине традиционного общества – и, более того, предположить, что какого-то конкретного образа ведьмы в рамках западноевропейского мифологического сознания не существовало вообще. Иными словами, ведьмой считался не тот, кто соответствовал какому-то детерминированному образу ведьмы, а тот, в чей адрес выдвигалось обвинение в колдовстве.

Для того, чтобы ответить на поставленный нами исследовательский вопрос, мы обратимся в первую очередь к судебным протоколам суда над ведьмами в Салеме. Стенографические записи этого судебного процесса, в основном представленные протоколами допросов и обвинений, были транскрибированы и изданы в 1977 году [16] и оцифрованы с приложением комментариев в рамках исследовательского проекта Университета Миссури в 2018 году, что делает их исключительно доступным для исследователей источником.

Одновременно с этим, стоит отметить, что подробный анализ наиболее ярких исследований, связанных с Салемским процессом, дан нами в параллельном исследовании, посвященном анализу обвинительного дискурса этого судебного процесса [2]. Фактически, данная статья является частью большого авторского проекта, связанного с исследованием феномена страха как актора коллективного действия в различных культурно-исторических пространствах. В данном случае коллективным действием рассматривается судебное преследование по обвинению в колдовстве, а образом страха – собственно, идея ведовского воздействия и персонально ведьма. В свою очередь, вопрос об особенностях восприятия страха именно в мифологическом создании был поднят нами в работе «Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья» [3].

Таким образом, *целью этого исследования* является реконструкция образа ведьмы в судебной документации Салемского процесса. *Объектом исследования* является феномен судебного преследования по обвинению в колдовстве.

Основным исследовательским методом для данной статьи нами был выбран метод контекстуального и контент-анализа юридических документов. С нашей точки зрения, такой подход позволит в наилучшей степени раскрыть основную гипотезу нашей работы и найти ответ на поставленный исследовательский вопрос. Одновременно с этим, важно сделать оговорку о том, что, в связи с исключительной массовостью процесса (в течение 1692 года в Салеме было предъявлено не менее двухсот обвинений в колдовстве [16]) и отмеченной нами [2] неизбирательностью обвинительного дискурса, мы приняли решение ограничить выборку первыми предъявленными обвинениями. Помимо объема материалов причиной для этого является предположение о том, что именно первые обвинения могут быть наиболее показательными в плане анализа образа обвиняемого.

Образ ведьмы в материалах судебного процесса в Салеме

Все обвинения в ходе этого судебного процесса были предъявлены в течение 1692 года, выбранные

нами для отдельного рассмотрения хронологически относятся к февралю – апрелю этого года.

Важнейшим эпизодом старта этого судебного процесса стало поведение двух девочек, Элизабет Паррис и Абигейл Уильямс. В начале февраля они столкнулись с болезненным состоянием, симптомы которого совпадали с принятыми в XVII веке представлениями о последствиях ведовского воздействия (порчи). Среди выраженных эпизодов отмечаются судорожные и истероидные припадки, повышенная возбудимость вместе с иррациональностью действий, аномальные психосоматические реакции (ощущения жжения, холода, покалывания в конечностях) [2]. Вскоре аналогичная симптоматика проявляется еще у двух девушек, Элизабет Патнем и Мэри Уоррен. Одновременно с этим, подобные же болезненные проявления впоследствии проявляются у других жителей Салема – например, матери Элизабет Патнем [6, с. 5]. Это приводит к признанию происходящего актом злонамеренного колдовского воздействия, и, следовательно, провоцирует начало судебного процесса. Логика развития этого процесса была рассмотрена нами в указанной выше статье, в связи с этим мы опустим детали юридического характера. Ограничимся лишь признанием того факта, что подобное развитие событий в целом соответствует духу большинства актов преследования ведьм, что отметил в своем исследовании Канторович [1].

Одновременно с этим необходимо отметить, что спустя 13 лет после завершения судебного процесса одна из обвинительниц, Элизабет Патнем, призналась в том, что все изначальные проявления со стороны ее и ее подруг были симуляцией [2]. Таким образом, можно говорить об уникальной ситуации: суд не только действовал с позиции мифологического сознания, признавая реальность иррациональной идеи (идеи колдовства), но и не предпринимал попыток объективного анализа происходящего. Этот аспект представляется нам исключительно важным как в контексте феномена судебных процессов по обвинениям в колдовстве, так и для характеристики мифологического сознания традиционного общества вообще.

Первой обвиненной в колдовстве становится женщина по имени Титуба. Это рабыня священника Сэмюэла Патнема, отца одной из подверженных припадкам девушек. Предположительно, ее родиной была Южная Америка. По некоторым сведениям, она была знакома с ритуалами вуду, о которых рассказывала Элизабет Паррис и ее подругам в качестве «сказок». После начала припадков у девочек предпринимала попытку «лечения» при помощи так называемого «ведьминого пирога» [14, с. 22] – особого блюда, согласно поверьям ее народа призванного помочь при такого рода симптомах. Этот эпизод достаточно трудно трактовать, так как судебные документы не дают представления о том, какое значение Титуба придавала этому действию: рассматривала ли она состояние девочек как следствие «порчи», или пыталась практиковать какие-то средства народной медицины, обращенные к внеоккультной практике. Однако с точки зрения суда это действие стало доводом в пользу обвинения в адрес Титубы: она стала первой, обвиненной в колдовстве.

В ходе судебного разбирательства она призналась, что знала о неких оккультных ритуалах, предназначенных для защиты от злых сил, и получила это знание еще на своей родине. Она не отказывалась от приготовления «ведьминого хлеба», но настаивала на отсутствии зло-

намеренности этих действий – сама она позиционировала это как лечебное средство. От нее не было получено признаний в том, что она ведьма, однако она заявила о том, что вступила в сговор с неким «человеком в черном» и подписалась в некой книге – причем заставили ее это сделать Сара Гуд и Сара Осборн, и кроме того в книге присутствовало шесть имен. Последний эпизод также достаточно трудно трактовать – мы предполагаем, что его появление в рамках допросов Титубы связано со спецификой инквизиционного судебного процесса – применением специфических методов допроса, выстраивание опроса обвиняемого с включением вопросов, изначально содержащих в себе согласованные с позицией следствия ответы [5]. Также Титуба заявила, что дома у Сары Осборн обитает некое существо демонического происхождения [5]. В данном случае, по всей видимости, речь идет о фамильяре – специфическом существе демонического происхождения, которое считалось неотъемлемым спутником любой ведьмы [1, с. 44]. Титуба не была казнена, однако из-за формальных деталей процесса долго содержалась под стражей, после чего была перепродана. О дальнейшей судьбе неизвестно.

В контексте обвинения в ведовстве образ Титубы играет очень существенную роль. Во-первых, за счет своего происхождения и статуса (рабыня-иностранка) она изначально рассматривалась как «чужая» в рамках общины Салема. Во-вторых, мы можем предположить, что изначально обвинение в ее адрес было связано именно с этим статусом и тем, что она принадлежала отцу одной из девушек-симулянок.

От Титубы цепочка обвинений была направлена на Сару Гуд и Сару Осборн. Стоит отметить, что их имена стали напрямую называть девушки, подверженные «ведовскому влиянию», однако, согласно протоколам допросов, произошло это после признаний Титубы [5]. Мать и дочь Патнем заявили, что «призрак» Сары Гуд являлся им для того, чтобы причинять боль. Это может свидетельствовать в пользу своеобразного «встраивания» людей в вектор обвинений со стороны самих жертв обвинений.

Сару Гуд также можно считать носительницей весьма специфического статуса в рамках общины Салема. Она была нищенкой и дважды состояла в браке, регулярно конфликтовала с супругом и соседями – все это противоречило пуританскому образу добропорядочной женщины. Также она имела долги перед соседями, оставшиеся после смерти первого мужа [14, с. 112]. Сара Гуд созналась в участии в сговоре с дьяволом в образе «черного человека», однако заявила, что ее заставили подписаться в книге Титуба и Сара Осборн. Она не признала своей вины в колдовстве в адрес девочек, однако сами девочки при появлении Сары Гуд начинали биться в припадках [15]. Сара Гуд была казнена путем повешения.

С учетом перекрестного характера обвинений, мы можем предположить, что признания со стороны Сары Гуд также носят искусственный характер.

Другая обвиняемая, Сара Осборн, по состоянию здоровья несколько лет не посещала церковь. Она состояла в дальнем родстве с семьей Патнем, с которыми имела долгую судебную тяжбу из-за права собственности на земельный участок. Также ходили слухи о прелюбодеяниях, которые она практиковала. В суде Сара Осборн отрицала все обвинения. Она никого не обвинила по своей инициативе и умерла в тюрьме до окончания судебного разбирательства [5].

Если описанные выше три обвинения можно в какой-то степени связать с специфическим статусом обвиняемых, то дальнейшие обвинения вызывают удивление.

Так, одной из следующих обвиняемых стала Марта Кори – женщина, которая признавалась всеми уважаемым членом церковной общины Салема. Многие признавали ее образцом христианского благочестия, в ее поддержку жителями города была создана петиция. Единственным компромитирующим ее фактом было наличие незаконнорожденного сына от индейца, который был принят в семью ее вторым мужем. В ходе суда она заявляла, что была оговорена и призывала суд прекратить верить выдумкам девочек [4]. Несмотря на это, суд принял во внимание заявления Энн Патнем-младшей о демоническом влиянии Марты Кори. Марта Кори была повешена, несмотря на возраст в 72 года.

Не менее показательна и не менее трагична история другой обвиняемой, Ребекки Норс. К началу судебного разбирательства ее возраст составлял 71 год, и в силу преклонного возраста и состояния здоровья она практически не выходила из дома. Она считалась крайне благочестивой христианкой, но, несмотря на это, ее характеризовали как достаточно своенравную и несговорчивую женщину. Некоторые свидетели утверждали, что она «могла забиться в припадке, когда ей это было выгодно» [9]. Основным поводом для обвинений в ее адрес стало то, что Ребекка Норс являлась в виде призрака и причиняла мучения как изначально подверженным припадкам девушкам, так и тем, кто стал испытывать «колдовское влияние» позже. Среди позднейших обвинений – использование колдовства с целью обогащения. Она отрицала все обвинения, пользовалась активной поддержкой горожан [9]. Ребекка Норс была оправдана судом присяжных, однако после активного вмешательства семьи Патнем приговор был пересмотрен. Она была казнена.

Весьма гротескным выглядит обвинение в адрес четырехлетней дочери Сары Гуд, Дороти. Она призналась в колдовстве и свидетельствовала, что видела, как мать общалась с дьяволом. Также свидетельствовала о наличии в ее доме фамильяра, принадлежащего Саре Гуд [6, с. 7]. Освобождена под залог, дальнейшая судьба неизвестна.

С нашей точки зрения, этот эпизод можно трактовать достаточно прямолинейно: скорее всего, в силу малолетнего возраста Дороти не могла логически оценивать вопросы обвинителей и действия суда, в связи с чем просто давала ответы на вопросы, в которые, как отмечалось выше, изначально закладывался прямолинейный ответ. Это подтверждают протоколы ее допросов [16].

На фоне разрастания судебного процесса и увеличения объема обвинений не вызывает удивления выдвижение обвинений в адрес супругов Проктор, Джона и Элизабет.

Джон Проктор был одним из богатейших людей Салема, одна из изначально подверженных припадкам девушек, Мэри Уоррен, работала служанкой в его доме и была уволена после того, как он обвинил ее в симуляции. По мере развития судебного процесса он неоднократно заявлял о том, что обвинения в колдовстве необоснованны, и судить стоит обвиняющих девушек. Однако, вскоре после того, как он в очередной раз озвучил эту позицию, в адрес его жены, Элизабет, были выдвинуты обвинения в колдовстве. Во время «очной ставки» с девушками-обвинительницами, в присут-

ствии Элизабет у них начался очередной припадок, что было расценено как доказательство ее вины [6].

Важно отметить, что супруги Проктор принадлежали к обществу квакеров, а Элизабет также была повитухой и ухаживала за больными. В рамках пуританского общества квакеры, равно как и повитухи, нередко обвинялись в колдовстве. Более того, в 1669 году в ее адрес уже выдвигались подобные обвинения [8].

Обвинения в адрес Джона Проктора были выдвинуты спустя неделю после обвинения его жены. Формальным поводом были заявления о том, что его призрак является по ночам к подверженным припадкам девушкам и причиняет боль. Одновременно с этим, Мэри Уоррен заявила, что он пытался принудить ее подписать контракт с дьяволом [14, с. 201]. В ходе суда и он, и его супруга последовательно отрицали все обвинения – причем сам Джон был крайне резок в выражениях. Одновременно с этим, в поддержку семьи Проктор было подано несколько петиций и свидетельств безупречной репутации. Несмотря на это, Джон Проктор был повешен. Элизабет Проктор получила отсрочку казни из-за беременности, и это спасло ей жизнь: она была освобождена из тюрьмы в ноябре 1692 года после вмешательства в судебный процесс губернатора Массачусетса. Все имущество семьи Проктор тем временем было разграблено.

Практика «семейных обвинений» тем временем была продолжена. В колдовстве был обвинен муж упоминавшейся ранее Марты Кори, Джайлс. Его возраст на момент событий составлял 81 год. Важной характеристикой к его образу может быть тот факт, что в 1676 году он обвинялся в убийстве работника своей фермы в ходе конфликта. Обвинения в убийстве были сняты, был оштрафован за нанесение телесных повреждений [16]. Джайлс Кори активно выступал в защиту жены и осуждал обвинения как бездоказательные. Непосредственно обвинялся в том, что в виде призрака преследует нескольких человек, в том числе Энн Патнем [12]. Также ему приписывалось то, что он руководил действиями призрака человека, умершего на его ферме [8]. Он отказался признать вину, за что был подвергнут публичной пытке в форме помещения под пресс из камней. Джайлс Кори погиб на третий день пытки, он был раздавлен камнями [7].

Еще одним интересным штрихом к образу Джайлса Кори в контексте этого процесса – и заодно значимым элементом последующей мифологизации Салемского процесса. С его именем связано сразу две городские легенды Салема. Согласно первой, его призрак появляется на городском кладбище всякий раз, когда городу угрожает опасность – например, слухи о явлении этого призрака ходили накануне катастрофического пожара, опустошившего Салем в 1914 году. Вторая городская легенда рассказывает о проклятье, согласно которому все шерифы Салема умерли или ушли в отставку из-за тяжелых сердечно-сосудистых заболеваний – эта последовательность прекратилась только после того, как офис шерифа был перенесен в соседний город [14, с. 252].

Если сами обстоятельства предъявления обвинений Джайлсу Кори не выбиваются из общей логики и образности дискурса этого процесса, то аспект с проклятьем и призраком можно объяснить обстоятельствами его смерти, которые кажутся исключительными по жесткости на фоне остальных судебных действий.

Другой яркий пример формирования образа ведьмы в ходе этого процесса – это эпизод обвинения Бриджетт

Бишоп. Она была весьма обеспеченной женщиной, так как содержала две таверны. Славилась достаточно экстравагантными пристрастиями в одежде и достаточно вольным поведением. Являясь хозяйкой питейных заведений, обладала определенным количеством «компромата» на горожан, но упоминала о нем только в случае конфликтов. В 1667 году, после смерти второго мужа, Бриджетт Бишоп уже предъявлялись обвинения в колдовстве – они были сняты [10]. Изначальные обвинения не выдаются из общей логики: утверждалось, что ее призрак причиняет страдания и принуждает подписать некую книгу, угрожая утоплением.

В дальнейшем число свидетельств против Бишоп увеличивается, и вместе с этим характер обвинений становится откровенно абсурдным: один из жителей заявляет, что ее призрак порвал его пальто. Другой обвиняет в смерти кошки. Третий заявляет, что она лично околдовала его для того, чтобы он ударил своего ребенка лопатой. Также в составе обвинения присутствуют зловещие кружева, колдовские травы и якобы личные заявления Бишоп о том, что она поклоняется дьяволу. В числе прочих, против Бишоп свидетельствует ее муж. Дополнительным аргументом в пользу того, что она поклоняется дьяволу, является экстравагантность одежды. Бриджетт Бишоп была повешена, несмотря на то, что последовательно отрицала все обвинения [10].

Мы можем признать, что градус абсурдности судебного процесса к маю 1692 года достиг апогея, наилучшим образом иллюстрируя значение фразеологизма «охота на ведьм». В отличие от изначальных обвинителей в прошлых кейсах, где в большинстве случаев обвинение исходило от Элизабет Паррис или Энн Патнем, первого обвинителя бывшего священника Салема, Джорджа Берроуза, найти не удастся – судя по всему, здесь присутствовало синхронное обвинение со стороны нескольких человек. Пастор Берроуз обладал суровым характером, но одновременно с этим воспринимался как образец пуританского образа жизни. Он покинул Салем за 9 лет до начала суда после того, как церковная община не рассталась с ним, из-за чего он был вынужден взять в долг на похороны жены у Томаса Патнема [11].

Обвинению в колдовстве предшествовало судебное прошение о взыскании долга. Повод для обвинения непосредственно в колдовстве – присутствовавшие в большинстве предшествовавших случаев явления злонамеренного призрака обвиняемого. Удивительным становится то, что в момент предъявления обвинений Берроуз проживал в другом штате, и на протяжении долгого времени даже не упоминался в общине Салема – по требованию суда он был экстрадирован. Подтверждением того, что он состоял в сговоре с дьяволом, была исключительная физическая сила, отказ от крещения собственных детей (по его объяснению – из-за разочарования в церковной общине после смерти жены) и нападения индейцев, происходившие во время его служения в Салеме, несмотря на регулярные молебны о недопущении этого. Фактически, в данном случае Берроузу вменялось нарушение порядка богослужений, ассоциированное в рамках суда с сговором с дьяволом. По решению суда, Джордж Берроуз был повешен, несмотря на то, что на виселице полностью и без ошибок прочел молитву, что считалось невозможным для колдуна [11].

Последним примером обвинения в контексте ведовства в нашей выборке обвинение в адрес Мэри Уоррен –

одной из девочек, выступавшей в качестве изначальных обвинительниц. Также как и в случае с Джорджем Берроузом, установить обвинителя здесь не представляется возможным. Она была основной обвинительницей в адрес семьи Проктор, однако приблизительно через месяц после начала преследований «ведьм» созналась в лжесвидетельствовании и заявила о том, что изначальные припадки девушек были симуляцией. Вскоре после этого обвинение было выдвинуто в ее адрес. Она отчаянно отрицала обвинение в колдовстве, но настаивала на своей виновности в лжесвидетельствовании [13]. Мэри Уоррен была освобождена из тюрьмы до окончательного предъявления обвинений по распоряжению губернатора Массачусетса. Как мы показали в исследовании обвинительного дискурса этого судебного процесса, эпизод обвинения Мэри Уоррен можно трактовать как своеобразную «самозащиту» стороны обвинения: ее показания могли дискредитировать сам судебный процесс, и, как следствие, власть Салема в принципе [2].

Дальнейшие обвинения начинают иметь совершенно произвольный характер: одновременно обвиняются до десятка человек за день, и логику предъявления обвинений становится невозможно выявить. Однако, в большинстве случаев присутствует один и тот же мотив – явление призрака обвиняемого. Этот феномен, получивший особое развитие в ходе Салемского процесса, получил название «спектральных доказательств», и был подвергнут критике еще в ходе самого судебного разбирательства. Более того, именно критика этого метода сыграла решающую роль в том, что губернатор Массачусетса Уильям Фипс потребовал остановить суд [14, с. 301].

Заключение

Проанализировав случаи первых обвинений в ходе Салемского судебного процесса, мы можем прийти к удивительному выводу: фактически, единственным, что объединяет обвиняемых, является предъявление им обвинения. Здесь нет возможности говорить о родственном социальном статусе обвиняемых: обвинения были выдвинуты как в адрес людей, обладающих маргинальным статусом (нищенка, рабыня), так и в адрес представителей религиозной или экономической элиты. Здесь нет возможности говорить о родственном гендерном составе, так как в числе первых обвиняемых присутствует двое мужчин. Возраст обвиняемых и характер их деятельности также различаются. Мы вынуждены не только признать неизбирательность обвинений – но и фактическое отсутствие персонализированного образа ведьмы в случае данного процесса.

В двух случаях обвинения, описанных нами выше, мы сталкиваемся с своеобразным феноменом повторного обвинения в колдовстве – и с нашей точки зрения это можно трактовать двойственно. Безусловно, это говорит о массовой уверенности в реальности колдовства

как явления – и вместе с этим мы можем видеть, для обоих случаев невозможно говорить о присутствии у повторно обвиненных в колдовстве каких-либо общих качеств. Отталкиваясь от этого, можно поставить вопрос о спекулятивном характере подобных обвинений в принципе – и это может подтверждаться характеристиками поведения Ребекки Норс.

Салемский судебный процесс показывает нам удивительный пример глубокой мифологизации общественного сознания – с одной стороны, являющейся неотъемлемой частью традиционного общества, но с другой стороны, способной приводить к значимым негативным последствиям. Включение мифологического компонента в юридическую практику вместе с последующим подтверждением фиктивности обвинений создает удивительный прецедент, ярко характеризующий феномен ведовских процессов в принципе.

Мы можем признать, что образ ведьмы в контексте этого процесса в большей степени заключался не в персонализированных качествах конкретного человека, а в действиях, приписываемых ведьме, которые в свою очередь переносились на тех или иных обвиняемых. Ведущими действиями здесь становятся «явление призрака», «сговор с дьяволом» и «порча» – эти феномены могут считаться базовыми характеристиками для обвинений в колдовстве в принципе.

Важно отметить, что резонанс, возникший вокруг Салемского процесса, стал поводом для достаточно существенного пересмотра отношения к обвинениям в колдовстве в североамериканских колониях. Как отмечалось в исследовании М. Старки [14, с. 322], этот процесс стал одной из причин секуляризации американского правосудия – и в этом мы можем видеть значимый элемент социально-политической трансформации, своеобразное «разочарование» государственной власти в исключительном влиянии на властные процедуры религиозных ценностей и характерных элементов традиционного общества.

С нашей точки зрения, исследование материалов Салемского процесса и подобных ему феноменов позволяет расширить объем научных представлений не только о собственно ведовском дискурсе, сколько о моделях социального поведения в традиционном обществе вообще. Этот вопрос является важным не только для исследований связанной с идеей колдовства фольклорной традиции, но и социально-культурной антропологии в целом. Одновременно с этим, Салемский процесс и подобные ему могут рассматриваться как особые формы коллективного действия, индуцированные исключительно психологическими мотивами – в данном случае, страхом перед ведовским воздействием и уверенностью в его возможности. Развивая эту логику, мы можем поставить вопрос о том, насколько существенным является влияние этого феномена в культуре в принципе. Этот вопрос является фундаментальным для планируемых нами в дальнейшем исследовательских проектов.

Список литературы

1. Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах / Я.А. Канторович. – М.: КРАСАНД, 2011. – 232 с.
2. Ван Хааске Л.А. Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа / Л.А. ван Хааске // Genesis: исторические исследования. – 2021. – №2. – С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35055 (дата обращения: 08.03.2021)
3. Ван Хааске Л.А. Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья / Л.А. ван Хааске // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2014. – №3. – С. 54–62

4. Examination of Martha Corey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n38.html#n38.2> (дата обращения: 08.03.2021).
5. Examination of Sarah Osborne, as Recorded by John Hathorne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n95.html#n95.2> (дата обращения: 08.03.2021).
6. Lawson D. A Brief and True Narrative of Some Remarkable Passages Relating to Sundry Persons Afflicted by Witchcraft, at Salem Village: Which happened from the Nineteenth of March, to the Fifth of April, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A49794.0001.001> (дата обращения: 08.03.2021).
7. Mather C. The Wonders of the Invisible World. Observations as Well Historical as Theological, upon the Nature, the Number, and the Operations of the Devils. Boston, 1693 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=etas> (дата обращения: 08.03.2021).
8. Moore G. Notes on the history of Witchcraft in Massachusetts. Worcester, MA: American Antiquarian Society, 1883. 36 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/notesonhistoryo00moor/> (дата обращения: 08.03.2021).
9. Salem Witchcraft Paper No. 094: Rebecca Nurse Executed July 19, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n94.html> (дата обращения: 08.03.2021).
10. Salem Witchcraft Paper No. 013: Bridget Bishop Executed, June 10, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n13.html> (дата обращения: 08.03.2021).
11. Salem Witchcraft Paper No. 022: George Burroughs Executed, August 19, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n22.html> (дата обращения 08.03.2021).
12. Salem Witchcraft Paper No. 037: Giles Corey Pressed to Death, September 16, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n37.html> (дата обращения: 08.03.2021).
13. Salem Witchcraft Paper No. 135: Mary Warren [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n135.html> (дата обращения: 08.03.2021).
14. Starkey M. The devil in Massachusetts: a modern inquiry into the Salem Witch trials. Alexandria: Time-Life books inc. 1982. 344 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/devilinmassachus0000star/> (дата обращения: 08.03.2021).
15. Summary of Evidence v. Sarah Good [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n63.html#n63.7> (дата обращения: 08.03.2021).
16. The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcriptions of the Court Records In three volumes. / Edit. Paul Boyer and Stephen Nissenbaum. Da Capo Press: New York, 1977 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/category/swp.html> (дата обращения: 08.03.2021).

References

1. Kantorovic Ya. A. Medieval witch trials. Moscow: KRASAND, 2011. 232 p. (In Russ.)
2. Van Haaske L. A. Accusatory Discourse of the Salem Witch Trial: experiment of imagological analysis // Genesis: historical research. 2021. №2. С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055 (In Russ.)
3. Van Haaske L. A. Images of fear of the supernatural in the mythological traditions of the high middle ages // Locus: people, society, cultures, meanings. 2014. №3. Pp. 54–62. (In Russ.)
4. Examination of Martha Corey. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n38.html#n38.2>
5. Examination of Sarah Osborne, as Recorded by John Hathorne. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n95.html#n95.2>
6. Lawson, D. A Brief and True Narrative of Some Remarkable Passages Relating to Sundry Persons Afflicted by Witchcraft, at Salem Village: Which happened from the Nineteenth of March, to the Fifth of April, 1692. Retrieved from <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A49794.0001.001>
7. Mather, C. The Wonders of the Invisible World. Observations as Well Historical as Theological, upon the Nature, the Number, and the Operations of the Devils. Boston, 1693. Retrieved from <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=etas>
8. Moore, G. Notes on the history of Witchcraft in Massachusetts. Worcester, MA: American Antiquarian Society, 1883. 36 p. Retrieved from <https://archive.org/details/notesonhistoryo00moor/>
9. Paper, No. Salem Witchcraft 094: Rebecca Nurse Executed July 19, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n94.html>
10. Paper, No. Salem Witchcraft 013: Bridget Bishop Executed, June 10, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n13.html>
11. Paper, No. Salem Witchcraft 022: George Burroughs Executed, August 19, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n22.html>
12. Paper, No. Salem Witchcraft 037: Giles Corey Pressed to Death, September 16, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n37.html>
13. Paper, No. Salem Witchcraft 135: Mary Warren. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n135.html>
14. Starkey, M. The devil in Massachusetts: a modern inquiry into the Salem Witch trials. Alexandria: Time-Life books inc. 1982. 344 p. Retrieved from <https://archive.org/details/devilinmassachus0000star/>
15. Summary of Evidence v. Sarah Good. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n63.html#n63.7>
16. (1977). The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcriptions of the Court Records In three volumes. Da Capo Press: New York. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/category/swp.html>

Информация об авторе

Ван Хааске Лейонис Аанрис – преподаватель
АНО ВО «Московский международный университет»,
Москва, Россия

Information about the author

Leionis A. Van Haaske – lecturer
of ANO of HE "International University in Moscow",
Moscow, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 08.03.2021

Принята к публикации / Accepted 16.03.2021

Опубликована / Published 17.03.2021